

МОСКОВСКІЯ

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к.,
на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 коп.,
съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р., 50 к., на полгода
2 р., 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 30 к., на 1 мѣс. 50 коп.
ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 35.

31-го АВГУСТА,
1886-го ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Донская улица, домъ Ризположен-
ской церкви, квартира протоіерея Виктора Петровича
Рождественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ за строку, или мѣсто строки
за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ. Московская хроника. Внутреннія извѣстія. Иностранное обозрѣніе. Наблюденія и факты. Периодическая печать. Среди Епархіаль-
ныхъ вѣдомостей. Корреспонденція. Съ Перервы. Извѣстія и замѣтки. Изъ воспоминаній о протоіерее П. Е. Соколовѣ. Благочинный священникъ
А. М. Богодѣловъ. (Некрологъ). Отъ Совѣта Московскаго Епархіальнаго Филаретовскаго женскаго училища.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Крестный ходъ. Юбилейное торжество.

— 26 августа, въ день праздника Срѣтенія чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы Владимірскія, изъ Большаго Успенскаго, каедральнаго Христа Спасителя и другихъ кремлевскихъ соборовъ, при громадномъ стеченіи народа, совершень былъ большой крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь. Этотъ крестный ходъ установленъ въ воспоминаніе перенесенія иконы Пресвятыя Богородицы изъ Владиміра въ 1395 году и въ благодарность за спасеніе, помощью ея, Москвы отъ нашествія Татарскаго хана Тамерлана. Во главѣ многочисленнаго духовенства въ крестномъ ходу находился преосвященный Мисаилъ, епископъ Дмитровскій, который затѣмъ въ соборномъ храмѣ Срѣтенскаго монастыря совершилъ литургію.

— 26 августа, въ Покровскомъ соборѣ происходило чествованіе 50-лѣтняго служенія въ духовномъ вѣдомствѣ протоіерея этого собора, благочиннаго Китайскаго сорока, Николая Ивановича Надеждина. Наканунѣ юбиляромъ, въ сослуженіи съ духовенствомъ изъ подвѣдомственнаго ему благочинія, было отслужено всенощное бдѣніе, а въ самый день торжества совершены въ сослуженіи со многочисленнымъ духовенствомъ литургія, а по окончаніи оной благодарственное Господу Богу молебствіе. Предъ молебствіемъ, по окончаніи литургіи, старостой Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора купцомъ г. Сушкинымъ, съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Іоаннікія, митрополита Московскаго, былъ поднесенъ юбиляру отъ лица почитателей золотой усыпанный драгоценными камнями наперный крестъ и сказано краткое слово; затѣмъ депутаты отъ подвѣдомственнаго юбиляру благочинія поднесли отцу Надеждину икону Спасителя въ серебряной вызолоченной ризѣ, причемъ одинъ изъ депутатовъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой указывалъ на заслуги юбиляра, какъ добраго начальника; депутация отъ старостъ церквей благочинія Китайскаго сорока поднесла отцу Надеждину икону Св. Николая, Мирликійскаго чудотворца, въ серебряной вызолоченной ризѣ; отъ имени бывшихъ учениковъ юбиляра по классу

словесности въ Московской духовной семинаріи однимъ изъ учениковъ была поднесена икона Спасителя, тоже въ серебряной вызолоченной ризѣ; въ заключеніе отецъ экономъ Троицкаго митрополичьяго подворья, отъ имени отсутствующаго изъ Москвы высокопреосвященнѣйшаго Іоаннікія, выѣхавшаго въ епархію для обозрѣнія церквей поднесъ юбиляру икону Всѣхъ Святыхъ, въ серебряной вызолоченной ризѣ. Растроганный юбиляръ въ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ за поздравленія и приношенія. По окончаніи молебствія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, высокопреосвященнѣйшему митрополиту Іоаннікію и маститому юбиляру. Это скромное торжество окончилось въ квартирѣ отца Н. И. Надеждина, гдѣ собравшимся почитателямъ его была предложена трапеза. Здѣсь привѣтствовалъ юбиляра преосвященный Мисаилъ, епископъ Дмитровскій, прибывшій по окончаніи богослуженія въ Срѣтенскомъ монастырь.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Заботы и мѣры къ улучшенію церковнаго пѣнія. Обозрѣніе епархіи Епископомъ Гаврическимъ и встрѣча его иновѣрцами. Пожертвованія на сооруженіе храма въ Японіи. Новые кредитные билеты. Учрежденіе лабораторіи для изслѣдованія съѣстныхъ припасовъ. Собіраніе археологическихъ свѣдѣній при помощи учителей и священниковъ. Катастрофа на Волгѣ.

— Православное духовенство нынѣ во многихъ мѣстахъ проявляетъ особенныя заботы объ учрежденіи при сельскихъ церквяхъ пѣвческихъ хоровъ. Въ западныхъ губерніяхъ, какъ сообщаетъ «Сельскій Вѣстникъ», недавно учебнымъ начальствомъ сдѣланы слѣдующія распоряженія: учителямъ изъ бывшихъ воспитанниковъ учительскихъ и духовныхъ семинарій, которые были подготовлены къ преподаванію пѣнія, но сдѣлавшись учителями, не устроили церковныхъ пѣвческихъ хоровъ, вмѣнено въ непремѣнную обязанность готовить учениковъ православнаго исповѣданія къ церковному пѣнію, такъ чтобъ изъ нихъ непременно составлялись пѣвческіе хоры. Предписано выдавать награды преимущественно тѣмъ учителямъ, которые, при общемъ хо-

рошемъ исполненіи своихъ обязанностей, заявили себя успѣшными преподавателями церковнаго пѣнія. При такой постановкѣ дѣла преподаванія, во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ на обученіе крестьянскихъ дѣтей церковному пѣнію обращено большое вниманіе.

— Въ «Церковномъ Вѣстн.» сообщены весьма любопытныя подробности о путешествіи преосвящ. Мартиніана, Епископа Таврическаго для обозрѣнія церквей своей епархіи. Преосвященнаго восторженно встрѣчало не только русское, но также еврейское и татарское населеніе. Когда преосвященный Мартиніанъ посѣтилъ караимскую синагогу, у дверей его встрѣтилъ начальникъ синагоги (гахамъ) съ почетными лицами, которыя провели архипастыря подъ руки во внутрь синагоги, гдѣ совершено было моленіе о здравіи преосвященнѣйшаго Мартиніана, имя котораго поминалось гахамомъ и газанами (чтецами). Преосвященному предложенъ былъ на разсмотрѣніе древній свитокъ Пятоннижн писанный на пергаментѣ XIV вѣка. Складывая свитокъ, владыка поцѣловалъ его и замѣтилъ обрадованнымъ караимамъ: «этотъ законъ данъ Богомъ не только для народа Израильскаго, но и для насъ, христіанъ: онъ составляетъ святыню, которую слѣдуетъ хранить каждому». На всѣхъ земскихъ станціяхъ, вмѣстѣ съ православнымъ населеніемъ, преосвященнаго архипастыря встрѣчали и мѣстные татары которые подходили и цѣловали у него руки. Преосвященный Мартиніанъ наставлялъ тѣхъ и другихъ жить въ мирѣ и согласіи, почитать Царя и любить Русское отечество. Татары кланялись до земли и не знали какъ выразить свою благодарность за доброе слово и наставленіе, а равно и за то что такой «великій мулла» говоритъ съ ними, простыми татарами. Въ деревнѣ Курманъ-Аджи преосвященнаго также встрѣтили татары цѣлуя ему руки, падая до земли и прося молитвы о ниспосланіи дождя. Обѣщая имъ свои молитвы о просимомъ, архипастырь преподавалъ имъ должное наставленіе и увѣщевалъ ихъ самихъ молиться усердиѣ общему Богу и Отцу человѣческаго рода.

— Православное Палестинское Общество отослало въ Японию 19.000 руб. пожертвованныхъ для постройки православной церкви въ Токио.

— «Новое Время» сообщаетъ: Недавно открытое въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ ткацкое отдѣленіе въ настоящее время занято изготовленіемъ особой матеріи изъ шелковыхъ оческовъ, которая войдетъ въ составъ бумажной массы для предполагаемыхъ къ выпуску кредитныхъ билетовъ новаго образца. Изготавливаемая ткань, придавая необыкновенную прочность кредитнымъ билетамъ, предохраняетъ послѣдніе отъ поддѣлки, для которой потребуетъ устройство особой, чрезвычайно дорого стоящей фабрики. Образцы новыхъ кредитныхъ билетовъ пока еще не утверждены окончательно, но всѣ они, сохраняя достоинство существующихъ бумажныхъ денегъ, отличаются отъ послѣднихъ цвѣтомъ и нѣсколько меньшимъ форматомъ. Кромѣ того, будутъ выпущены въ обращеніе кредитные билеты тысячерублеваго достоинства.

— Въ Русскомъ Техническомъ Обществѣ поднятъ вопросъ объ устройствѣ химико-технической лабораторіи для изслѣдованія заводскихъ и фабричныхъ продуктовъ и матеріаловъ употребляемыхъ въ различныхъ производствахъ. Предполагается: а) пригласить фабрикантовъ и заводчиковъ къ участію въ расходахъ по содержанію лабораторіи взносами не менѣе опредѣленнаго размѣра, съ предоставленіемъ производящимъ такіе взносы фабрикантамъ и заводчикамъ нѣкоторыхъ выгодъ и преимуществъ по пользованію услугами лабораторіи; б) обратиться съ предло-

женіемъ къ Городской Думѣ, не признаетъ ли она полезнымъ открыть при лабораторіи отдѣленіе для изслѣдованія жизненныхъ продуктовъ, ассигновавъ на то нѣкоторое пособіе, и в) въ случаѣ принятія этого предложенія пригласить къ участію въ его осуществленіи Русское Общество Охраненія Народнаго Здравія. Нельзя не пожелать, чтобы такія лабораторіи открыты были и во всѣхъ большихъ городахъ, особенно съ цѣлью изслѣдованія продуктовъ, употребляемыхъ въ пищу, фальсификація которыхъ въ послѣднее время достигла чрезвычайнаго развитія, съ большимъ вредомъ для здоровья потребителей.

— Ученыя архивныя коммисіи, по словамъ «Новаго Времени», обратились къ нѣкоторымъ учителямъ народныхъ школъ и приходскимъ священникамъ съ просьбой сообщить, по высланной Археологическимъ Обществомъ программѣ, свѣдѣнія касающіяся древнихъ городищъ, урочищъ, могилъ, кургановъ, случайныхъ находокъ, кладовъ, а также и другихъ памятниковъ мѣстной старины, заслуживающихъ вниманія и изученія.

— 11 августа случилась страшная катастрофа на Волгѣ: въ предѣлахъ Саратовской губерніи, близъ колоніи Ровное, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ сгорѣлъ пассажирскій пароходъ Самолетской компаніи «Вира». Въ опубликованномъ по распоряженію прокурора спискѣ погибшихъ, трупы которыхъ найдены, насчитано 80 человекъ. Но кромѣ этихъ, говорятъ, и еще есть жертвы несчастія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Болгарскія событія. — Рѣчь князя къ офицерамъ. — Отреченіе и отъѣздъ изъ Софіи. — Прокламація объ отреченіи.

— Извѣстія изъ Болгаріи быстро мѣняются. Едва успѣвъ въѣхать въ Софію, князь Александръ въ силу отвѣта Его Величества принужденъ былъ отречься отъ престола и назначивъ регентство, выѣхалъ изъ Болгаріи. Телеграммы сообщаютъ о послѣднихъ событіяхъ слѣдующія подробности, передача которыхъ сильно страдаетъ пристрастіемъ къ князю и излишней сантиментальностью:

Послѣ дефилированія войскъ, телеграфируютъ изъ Софіи отъ 22 августа, князь вступилъ въ свой дворецъ съ видомъ глубокой грусти. Когда дипломатическій корпусъ и офицеры собрались въ большой залѣ, князь вошелъ въ нее и обратился къ присутствующимъ съ рѣчью. Содержаніе ея передано такъ: «Семь лѣтъ трудился я надъ независимостью и интересами Болгаріи. Постоянно моею заботой были главнымъ образомъ армія и офицеры. Этихъ послѣднихъ я считалъ своею семьей, своими дѣтьми. Я чувствовалъ себя успокоеннымъ относительно личнаго моего положенія, видя себя окруженнымъ офицерами, которые были моими спутниками въ борьбѣ за славу Болгаріи. (Князь заплакалъ въ эту минуту; затѣмъ вновь началъ). Въ ту печальную ночь, услышавъ шумъ, я спросилъ прежде всего, участвуютъ ли войска? Мнѣ отвѣчали: да. Я былъ спокоенъ тогда, потому что довѣрялъ своей арміи. Несмотря на всѣ эти несчастныя событія, я не разочаровался въ своихъ офицерахъ. Они были на высотѣ своего положенія во время безпорядковъ послѣдовавшихъ за моимъ отъѣздомъ. Благодаря Попову и Муткурову (князь цѣлуетъ обоихъ этихъ офицеровъ), честь болгарскихъ офицеровъ восстановлена, и я вижу офицеровъ мнѣ преданныхъ. Я могу покинуть Болгарію обращаясь съ похвалой къ этимъ офицерамъ, потому что порядокъ нарушенъ не будетъ. Каковы бы ни были обстоятельства, въ которыхъ я буду находиться, я употреблю

все свое вліяніе на пользу Болгаріи и буду молить за нее Бога. Моя душа всегда будетъ съ моими офицерами. Остаться въ Болгаріи я не могу, потому что Царь этого не хочетъ, потому что присутствіе мое въ Болгаріи противно интересамъ этой страны. Я вынужденъ покинуть тронъ». Поповъ сказалъ тогда: «Мы были и всегда будемъ съ вами. Будемъ же мужественны. Впередъ!» князь отвѣчалъ: «Прежде нежели уѣхать, я посоветуюсь съ высшими офицерами и учредю регентство, которое попытается спасти и охранить интересы офицеровъ. Во всякомъ случаѣ я разчитываю на армию». Одинъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса сказалъ, что мятежные офицеры составляютъ малую часть войска. «Но это лучшіе офицеры», отвѣчалъ князь: «я себя не обманываю». Всѣ удалились очень взволнованные. Послѣ представленія офицеровъ и чиновниковъ, князь сказалъ: «Благодарю васъ за чувства выраженные вами въ отношеніи меня; но у меня въ сердцѣ открытая рана. Какъ человѣкъ, я можетъ быть и не былъ совершенствомъ, но какъ князь, полагаю, я всегда былъ вѣренъ своему долгу. Повсюду гдѣ я ни буду, продолжалъ онъ, я всегда буду молить Бога о счастіи Болгаріи». Князь слегка дрожалъ произнося эти слова и нервно сжималъ рукоятку шпаги.

26 августа князь выѣхалъ изъ Софіи. Утромъ этого дня принимая дипломатическій корпусъ, онъ «благодарилъ его за нравственное содѣйствіе и совѣты данные ему въ тяжелую минуту. Онъ указалъ на Константинопольскій протоколъ какъ на одну изъ главныхъ причинъ своего отреченія. Чтобы не позволить врагамъ говорить будто князь былъ только русскимъ чиновникомъ, онъ пожелалъ возвратиться и покинуть страну уже не ночью, а среди бѣлаго дня, по добровольному согласію, а не какъ преступникъ. Князь настаивалъ на невозможности править страной при настоящихъ обстоятельствахъ».

Князь принималъ также членовъ новаго правительства. Объ отъѣздѣ сообщаютъ: «Войска гарнизона безъ оружія стояли шпалерами на улицахъ и во дворѣ дворца. Предъ дворцомъ выстроились офицеры. Въ четыре часа князь сошелъ въ пріемную дворца, гдѣ собрались власти и разныя другія лица, къ которымъ князь обратился съ прощальными словами. Многіе плакали. Позади князя находились консулы державъ, въ томъ числѣ и Россіи. Князь прошелъ мимо группы офицеровъ и раскланялся съ ними. Никакихъ возгласовъ при этомъ не было. Потомъ князь сѣлъ въ карету вмѣстѣ со Стамбуловымъ. Въ другихъ каретахъ, позади княжеской, сидѣли министры, регенты и другія лица. Выйдя изъ дворца, князь былъ привѣтствованъ народомъ. При выѣздѣ изъ города кортежъ былъ снова привѣтствуемъ. Завтра послѣ полудня князь прибудетъ въ Ломъ-Паланку».

Текстъ изданной княземъ прокламаціи объ отреченіи слѣдующій: «Удостоверившись въ печальной истинѣ что отъѣздъ нашъ изъ Болгаріи поможетъ восстановленію добрыхъ отношеній между Болгаріей и Россіей-освободительницей, получивъ увѣреніе отъ правительства Императора Всероссийскаго что независимость, свобода и права нашего государства останутся неприкосновенными и что никто не станетъ вмѣшиваться во внутренній дѣла его, я возвѣщаю возлюбленному народу что отрекаюсь отъ Болгарскаго трона; желая доказать всѣмъ какъ дороги для насъ интересы нашего отечества и какъ для его независимости готовы мы жертвовать всѣмъ, даже и тѣмъ что дороже намъ жизни. Высказывая благодарность за преданность въ счастливыя, какъ и въ печальные дни, перенесенные народомъ и трономъ со времени прибытія моего въ Болгарію, мы удаляемся изъ Княжества, обращая ко Господу мольбу, да охранитъ Онъ Болгарію, да содѣ-

лаетъ ее великою, сильною, счастливою, объединенною и независимою. Мы назначаемъ регентами Стамбулова, Каравелова и Муткурова. Мы повелѣваемъ всѣмъ гражданамъ Болгаріи повиноваться приказаніямъ и распоряженіямъ регентства, назначеннаго мною, и сохранять миръ и спокойствіе дабы избѣжать затрудненій положенія и безъ того тяжелаго для отечества. Господь да хранитъ Болгарію! Данъ въ столицѣ Софіи 26 августа 1886 года. Александръ».

НАБЛЮДЕНІЯ И ФАКТЫ.

За послѣднее время жизнь и дѣятельность нашего духовенства отмѣчалась весьма симпатичными чертами. Съ какимъ удовольствіемъ читаемъ, что тамъ, по инициативѣ духовенства, основываются различныя благотворительныя учрежденія: братства, попечительства, богадѣльни и т. п., здѣсь ведутся, благодаря неустанной энергической дѣятельности пастырей церкви, постоянныя собесѣдованія съ простымъ народомъ въ цѣляхъ его религіозно-нравственнаго образованія,—съ раскольниками,—вызванныя искреннимъ, задушевнымъ желаніемъ просвѣтить послѣднихъ, путемъ убѣжденія и наученія свести ихъ съ того темнаго безсвѣтнаго пути, по которому большинство изъ нихъ идетъ совершенно безсознательно, по традиціи, которая выражается до нынѣ у нихъ слѣдующими, отрицающими всякое разуміе, словами: «до насъ такъ положено, и лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ».

А сколько энергіи, сколько безкорыстной преданности и любви къ своимъ пасомымъ обнаружено было нашимъ духовенствомъ въ такъ наз. церковно-приходскомъ дѣлѣ:—въ устроеніи церковно-приходскихъ школъ и т. п.—объ этомъ знаетъ нынѣ каждый русскій человѣкъ. Глубоко—благодарный своему пастырю за его заботы о религіозно-нравственномъ образованіи его дѣтей онъ и самъ все чаще и чаще идетъ на помощь пастырю въ его благомъ дѣлѣ, жертвуя всѣмъ, чѣмъ можетъ.—Смотря на его въ высшей степени плодотворную, полезную дѣятельность,—радуешься, и въ тоже самое время искренне желаешь, что бы всегда такъ было; и даже въ концѣ концовъ вѣришь, увѣряешься, что теперь, пожалуй, и не можетъ быть иначе,—развѣ только за немногими исключеніями, которыя всегда бываютъ. Но за то какъ горько бываетъ встрѣтить, увидѣть и такое исключеніе какое имѣло мѣсто среди духовенства кievской епархіи. Здѣсь, какъ видно изъ «пастырскаго вразумленія» высокопреосв. митрополита кievскаго Платона (см. Киевскія Епар. Вѣдомости № 18.1885 г.) посылающимъ безыменные письма, практиковался между нѣкоторыми членами причтовъ противозаконный, безнравственный обычай писать анонимныя письма часто крайне злобнаго и пасквильнаго содержанія. «Не разъ я», пишетъ высокопр. митрополитъ Платонъ, «получалъ отъ неизвѣстныхъ людей безыменные письма разнаго содержанія; одни злобныя и пасквильныя, которыя стыдно и грѣшно писать добрымъ людямъ, въ особенности христіанамъ, да еще къ архіерею; другія невинныя по содержанию, подъ коими всякій могъ смѣло подписать свое имя; напримѣръ, о томъ, чтобы дешевле продавались просфоры и совершались въ извѣстныхъ церквахъ раннія литургіи; иныя, по видимому, благонамѣренныя, въ которыхъ сообщаются разныя свѣдѣнія относительно епархіи и духовенства, и подъ койми сочинителямъ ихъ надлежало бы подписать свои имена, какъ

въ доказательство справедливости того, о чемъ они говорятъ, такъ и для того, чтобы и могъ, въ случаѣ нужды, потребовать отъ нихъ поясненій по содержанію ихъ писемъ». Глубоко возмущенный этимъ обстоятельствомъ, архипастырь кievскій доказываетъ въ своемъ «вразумленіи» какъ всю предосудительность, постыдность и неприличіе составленія такихъ писемъ какъ вообще для христіанъ, такъ въ особенности для духовенства, — такъ, съ другой стороны и бесполезность ихъ. Вѣдь кто бранить другаго—вотъ мысль высокопр. Платона — скрываясь за уголь, тотъ показываетъ въ себѣ не только трусость, но еще злость и низость души. Онъ явно поступаетъ вопреки ученію Христову, внушающему намъ никого не осуждать и не злословить, и дѣйствуетъ въ духѣ тѣхъ беззаконниковъ, которые, по выраженію апостола, «презираютъ начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высшихъ, хуля то, чего не понимаютъ и не знаютъ». Желаящему благонамѣренно и негласно сообщить что-нибудь другому, или обратить его вниманіе на нехорошіе поступки его рекомендуется поступить такъ, какъ заповѣдуетъ Спаситель, «пойди и обличить брата наединѣ», и; если неудобно это сдѣлать, то можно и письменно объясниться съ нимъ, добавляетъ высокопреосвященный — откровенно и благонамѣренно съ обозначеніемъ званій, имени, фамилій и мѣстъ жительства. Объ этомъ просить владыка и отъ себя лично всѣхъ добрыхъ людей, а въ особенности священниковъ и благочинныхъ. «И не думайте», пишетъ онъ, желая имѣть вѣрныя свѣдѣнія о нуждахъ своей епархіи «что отъ сего могутъ произойти какія нибудь вредныя послѣдствія для васъ, или другихъ: ибо я желаю имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи вѣренной мнѣ епархіи не для того, чтобы сдѣлать кому нибудь зло, а съ тою цѣлю, чтобы уничтожить его, если оно существуетъ въ епархіи». «Вѣдь» духовныя лица, наипаче священнослужители, должны во всемъ поступать, по примѣру апостоловъ, «добросовѣстно и честно, въ простотѣ и богоугодной искренности». Съ другой стороны—вѣдь анонимныя письма и бесполезны. Владыкау казываетъ авторамъ ихъ на прямой законъ, въ которомъ говорится, что «по доносамъ въ безыменныхъ пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ не должно производить слѣдствія; но получившій такое письмо обязанъ, не читая, истребить его, или объявить о немъ полиціи, а безыменный сочинитель этого письма, открытый полиціею, отсылается къ суду уголовному».

Въ заключеніе своего вразумленія, высокопреосвященный обращается ко всѣмъ своимъ пастырямъ и пасомымъ, умоляя ихъ, съ верховнымъ апостоломъ, «во всемъ поступать достойно званія, въ которое они призваны Иисусомъ Христомъ, снисходя другъ другу любовью, стараясь сохранять единство духа въ союзѣ міра»... Дай Богъ, чтобы это вразумленіе высокочтимаго архипастыря принесло добрые плоды. Будемъ надѣяться, что высоко держащій свое знамя любви и мира русскій православный пастырь всегда, безъ исключеній, останется вѣренъ ему, пребудетъ на высотѣ своего служенія, «которое», по выраженію приснопамятнаго о. ректора Московской Духовной Академіи о. протоіерея Александра Васильевича Горскаго, «высокое само по себѣ, носить на себѣ особенную печать благословенія Божія въ томъ смиренномъ видѣ, какой усвоенъ ему въ церкви». «Сосредоточивши всѣ свои попеченія въ кругѣ своей паствы, духовный пастырь», рассуждаетъ о. ректоръ въ своемъ дневникѣ, (Прибав. къ Тв. Св. От. кн. IV, 1884 г. стр. 304) «можетъ созидать спасеніе свое въ то самое время, какъ заботится о спасеніи другихъ; не видный ни для кого онъ растеть предъ Богомъ самъ и другимъ даетъ жизнь и возрастаніе».

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Наши новые «философы и богословы». Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. М. Остроумова (Вѣра и Разумъ 1885 г. № 23).

(Продолженіе). *)

Изобразивъ свое душевное состояніе во время, слѣдовавшее непосредственно за его молодостію, Левъ Николаевичъ рассказываетъ далѣе въ своей «исповѣди», какъ онъ искалъ рѣшенія мучившихъ его тогда вопросовъ въ научной области. Прежде всего здѣсь бросаются въ глаза явныя противорѣчія. Графъ задалъ себѣ вопросъ «о смыслѣ жизни». «Надо сейчасъ отвѣчать, а не то—жить нельзя. А отвѣта нѣтъ», говоритъ онъ. Между тѣмъ на той же страницѣ оказалось, что у него былъ самый опредѣленный отвѣтъ, состоявшій въ томъ, что жизнь есть бессмыслица. Далѣе, отвѣтъ этотъ былъ до того убѣдительно для него, что онъ боялся самоубійства, а между тѣмъ графъ все таки не убѣдился и ищетъ какого-то отвѣта въ наукѣ. Вѣроятно графъ не точно описалъ свое положеніе.—Какъ же искалъ онъ отвѣта на свой вопросъ въ наукѣ? По его словамъ онъ мучительно и долго, упорно, дни и ночи искалъ объясненія на свои вопросы во всѣхъ знаніяхъ, которыя приобрѣли люди, во всѣхъ отрасляхъ науки. И послѣ такихъ поисковъ онъ убѣдился, что не нашли ничего и всѣ искавшіе въ знаніи отвѣтовъ, и что виноваты въ такомъ результатѣ не онъ со своими вполне законными вопросами, а наука. Но вся вина науки здѣсь только въ томъ, что въ извѣстныхъ отрасляхъ она отвѣчала графу не на тотъ вопросъ, который онъ ей предлагалъ. «Тщетно обращался графъ къ математикѣ, астрономіи, химіи, физикѣ, физиологіи, социологіи, психологіи съ вопросомъ: зачѣмъ ему жить, зачѣмъ ему чего нибудь желать? Онъ не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, а отвѣчаютъ на другіе вопросы». Такое недоразумѣніе могло произойти только потому, что графъ считаетъ себя непогрѣшимымъ.—Графъ формулируетъ свой вопросъ такъ: «что выйдетъ изъ всей моей жизни. Зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ чего нибудь желать, зачѣмъ что нибудъ дѣлать». Слѣдовательно рѣчь идетъ не о цѣли жизни, а о результатѣ ея. Но въ этомъ большая разница. Заботясь о цѣли жизни, мы, такимъ образомъ, считаемъ жизнь процессомъ разумнаго цѣлеосуществленія. При отысканіи результатовъ ея она является процессомъ слѣпой необходимости, въ которомъ извѣстныя причины производятъ необходимые слѣдствія. Но рядъ этихъ слѣдствій или безконеченъ, или конеченъ, такъ что изъ послѣдняго слѣдствія *ничего* не должно выйти. Ясно, что съ этой точки зрѣнія жизнь есть пустой неразумный процессъ.

Тогда какъ если бы вопросъ состоялъ въ отысканіи цѣли жизни, то легко найти, что смыслъ жизни съ этой точки зрѣнія состоитъ въ высшемъ внутреннемъ удовлетвореніи требованій своихъ и другихъ сознательныхъ существъ. Напрасно поэтому искалъ графъ отвѣта въ наукѣ. Съ той точки зрѣнія, съ какой онъ предложилъ ей вопросъ, никакая наука не можетъ дать ему инаго отвѣта, кромѣ того, какой у него былъ, именно, что жизнь есть бессмыслица.

Графъ говоритъ, что онъ искалъ отвѣтовъ «ездѣ», что онъ узналъ «все», что на вопросы жизни отвѣчаетъ знаніе. Это заставляетъ ожидать отъ него огромной учености, между тѣмъ въ дальнѣйшемъ повѣствованіи обнаруживается у него очень лег-

*) См. „Московскія Цер. Вѣд.“ 1886 г. № 18.

кое знакомство съ выводами науки и очень смутное представление въ особенности о нѣкоторыхъ частныхъ областяхъ научнаго знанія.

Графъ нашелъ, что по отношенію къ его вопросу всѣ знанія раздѣляются на два разряда. Одинъ рядъ какъ бы не признаетъ вопроса, но за то ясно и точно отвѣчаетъ на свои собственные вопросы. Это опытные знанія съ математикой во главѣ. Рядъ знаній умозрительныхъ во главѣ съ метафизикой признаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него.

Изъ этихъ словъ видно, что графъ недалеко углубился въ науку. Во первыхъ не онъ нашелъ раздѣленіе наукъ на опытные и умозрительныя; оно извѣстно давно. Далѣе раздѣленіе это можетъ быть только по отношенію къ вопросу о методахъ наукъ, а не по отношенію къ какому нибудь частному вопросу науки. Что же касается въ частности математики, то она совсѣмъ не опытная наука, а представляетъ собою чистѣйшій типъ метода умозрительнаго, къ которому дѣлала попытки приблизиться сама метафизика. Въ этихъ изысканіяхъ графа въ области научной любопытно одно обстоятельство. Вопросъ предсталъ предъ нимъ въ 50 лѣтъ отъ роду. Изъ дальнѣйшаго его разсказа не видно, что послѣ этого и направились его изысканія во всѣ научныя области. Напротивъ оказывается, что знакомство его съ наукой относится къ тому времени, когда еще не возникалъ у него мучительный вопросъ; вся масса свѣдѣній была уже въ его умѣ, такъ что исканіе въ наукахъ было лишь *исканіемъ въ его собственныхъ знаніяхъ*, приобретенныхъ въ юности, когда слѣдовательно, были найдены имъ и отвѣты, которые онъ теперь только потерялъ. — Изъ изслѣдованій въ области опытныхъ наукъ графъ сначала сдѣлалъ такой выводъ: «все развивается, дифференцируется, идетъ къ усложненію и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ.

«Ты часть цѣлага. Познавъ цѣлое и законъ развитія, ты знаешь и свое мѣсто въ его цѣломъ и самого себя». Покуда онъ самъ развивался, онъ удовлетворялся этимъ. Но когда онъ увидѣлъ, что уже не развивается и усложняется, а ссыхается, то нашелъ, что закона безконечнаго развитія нѣтъ, и что найденный имъ выводъ науки ничего не говоритъ. Но у графа не вѣрно изложенъ самый выводъ науки; опытъ не показываетъ, что развивается «все». Атомы, химическіе элементы, геометрическія фигуры не развиваются. Кромѣ того наукъ извѣстенъ и метаморфозъ регрессивный, а не одинъ прогрессивный. Выводъ, сдѣланный графомъ, добытъ путемъ не опытнымъ, а умозрительнымъ. Съ другой стороны довольно странно графъ отвергнулъ этотъ выводъ. Онъ сдѣлалъ это не потому, что нашелъ его научную несостоятельность, равно какъ и признавалъ не въ силу требованій науки, а потому, что считалъ свою личность и даже тѣлесный организмъ мѣриломъ міровой жизни. Онъ полагалъ, что стоитъ на опытной почвѣ, а между тѣмъ провѣрялъ свои взгляды не опытомъ и наблюденіемъ, а собственной особю: что находилъ въ себѣ, то признавалъ и въ мірѣ, а чего въ немъ самомъ не было, того и въ мірѣ не признавалъ. Самъ графъ однако утверждалъ, что причиною его разочарованія въ опытныхъ наукахъ было то, что его личный вопросъ: «что и такое съ моими желаніями?» — оставался безъ отвѣта. Знанія научныя къ вопросамъ жизни неприменимы. Тѣ науки, которыя пытаются дать отвѣты на эти вопросы — физиологія, психологія, біологія, социологія — поражаютъ бѣдностію мысли, неясностію, притязательностію на рѣшенія неподлежащихъ вопросовъ и т. д. Но этотъ приговоръ графа голословенъ и невѣренъ. Ни одна изъ нихъ не беретъ отвѣчать на вопросъ: зачѣмъ мнѣ жить. Если

же изъ добытыхъ ими результатовъ извлекаютъ отвѣты на этотъ вопросъ, то они за это не отвѣчаютъ. Графъ и самъ раньше говорилъ, что рядъ опытныхъ знаній не признаетъ его вопроса, а отвѣчаетъ только на свои.

Не найдя отвѣта на вопросъ о смыслѣ жизни въ наукѣ опытной, потому что тамъ и нельзя было его найти, графъ обращается за разрѣшеніемъ его къ области знанія умозрительной. У него была своя философія исторіи. Все человѣчество, говорилъ онъ раньше, живетъ и развивается на основаніи духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ имъ. Идеалы становятся выше, и человѣчество идетъ къ высшему благу. И, какъ *часть* человѣчества, долженъ содѣйствовать сознанию и осуществленію его идеаловъ. Кажется смыслъ жизни здѣсь найдетъ именно въ свободномъ осуществленіи *человѣческихъ* идеаловъ, которые люди сами поставляютъ принципомъ своей дѣятельности. Но графъ отрицаетъ свободу воли, и по его воззрѣнію идеалы осуществляются въ человѣчествѣ съ роковою необходимостію, такъ какъ каждое поколѣніе дѣйствуетъ только въ силу условій, данныхъ ему предшествующими поколѣніями. При такомъ механическомъ воззрѣніи на жизнь конечно нельзя найти въ ней смысла. И графъ не нашелъ его. Онъ отвергнулъ ту теорію, которую раньше признавалъ и обвинилъ ее въ недобросовѣстной неточности за то, что она выдаетъ за общіе выводы, сдѣланные на изученіи малой части человѣчества; кромѣ того онъ упрекаетъ ее въ тупости, такъ какъ она для познанія жизни отдѣльнаго человѣка требуетъ предварительнаго познанія жизни человѣчества вообще. Но во-первыхъ нѣтъ никакой недобросовѣстности въ томъ, что выводы, сдѣланные на основаніи изученія малой «части» человѣчества, выдаются за общіе, если только они вытекаютъ действительно изъ своего основанія. Такимъ методомъ пользуются всѣ науки. Нужно было бы показать неправильность самыхъ выводовъ, но графъ этого не дѣлаетъ. Во-вторыхъ совершенно неосновательно и обвиненіе вышеприведенной теоріи въ тупости. Она вовсе не требуетъ познанія всего человѣчества, для познанія моего я. «Для этого нужно знать лишь тѣ общія условія, объясняющія мою жизнь, какія могутъ быть найдены въ человѣчествѣ на основаніи самаго факта моей жизни, по скольку онъ зависитъ отъ этихъ условій и вслѣдствіе того на нихъ указываетъ». Такъ какъ начала духовнаго развитія управляютъ жизнью всѣхъ людей, то, чтобы понять ихъ, достаточно увидѣть эти начала въ самомъ себѣ и въ нѣкоторыхъ людяхъ. Страннаго или тупаго тутъ нѣтъ ничего. Графъ нашелъ то и другое потому, что онъ неправильно понимаетъ отношеніе свое и другихъ людей къ человѣчеству. Для него человѣкъ есть какая-то «часть» «цѣлага» человѣчества, продуктъ котораго она и составляетъ; при этомъ часть совершенно непонятная и неизвѣстная точно такъ же, какъ и самое цѣлое. Понятно, что при такомъ взглядѣ нельзя рѣшить вопросъ. Но къ этому привели графа не умозрительныя науки. Человѣчество есть не «цѣлое», а «родъ», и человѣкъ относится къ нему, какъ индивидуумъ къ роду, а къ другимъ людямъ, какъ къ такимъ же индивидуумамъ одного рода; онъ стоитъ къ нимъ не въ отношеніи продукта къ своимъ условіямъ, а въ отношеніи самостоятельнаго взаимодѣйствія съ ними, которое и даетъ смыслъ жизни. Детерминистическая теорія, которая привела графа къ отрицательнымъ результатамъ и въ области умозрительной, была плодомъ его собственнаго мышленія, а не науки. Научныя гипотезы эволюціонизма, детерминизма и обнимающей ихъ механической теоріи мірозданія и эволюціонизма совершенно ненаучны. Они относятся къ отдѣльнымъ областямъ

и сторонамъ мірозданія, а графъ приложилъ ихъ ко всему бытію, а потому пришелъ къ заключенію, что все въ мірѣ есть механической безмысленный процессъ, изъ котораго «ничего» не выйдетъ. Онъ просмотрѣлъ одно обстоятельство, что вѣкъ механизма вселенной есть человѣческое самосознаніе или я, которое и познаетъ этотъ механизмъ.—Какъ бы то ни было, но путемъ научныхъ изысканій графъ не нашелъ смысла жизни; онъ убѣдился въ концѣ концовъ, что и развитіе, совершенствованіе въ безконечномъ не имѣетъ ни цѣли, ни направленія и на вопросъ его не отвѣчаетъ. Послѣ своихъ блужданій въ знаніяхъ онъ, по его словамъ, пришелъ къ тому же результату, къ какому пришли величайшіе умы человѣчества: Сократъ, Шопенгауеръ, Соломонъ, Будда. «Обманывать себя нечего: счастливъ, кто не родился, смерть *лучше* жизни; надо *избавиться* отъ нея». Такимъ образомъ наука приводитъ къ самоубійству. Этотъ выводъ графъ сдѣлалъ не больше ни меньше, какъ для оправданія своей мысли о самоубійствѣ, подобно тому, какъ и раньше онъ старался оправдывать свои наклонности различными теоріями. Страсть къ учительству и писательству онъ оправдывалъ теоріей развитія посредствомъ просвѣщенія; для оправданія тщеславія онъ придумалъ теорію, что нужно стремиться быть лучше другихъ; замѣтивъ въ себѣ фактъ развитія, онъ возвелъ его въ міровой законъ; составивъ излюбленные идеалы, онъ придумалъ теорію идеаловъ. Тоже стало и съ мыслию о самоубійствѣ.

Напрасно ссылается графъ на великихъ мудрецовъ. Какъ не говорить наука, что жизнь есть бессмыслица, такъ нельзя найти этой мысли и въ ученіи Сократа и Соломона; даже Будда и Шопенгауеръ не утверждаютъ, что жизнь есть совершенно безцѣльный процессъ, въ которомъ человѣкъ не можетъ найти для себя ничего хорошаго. Нельзя съ рѣшительностію сказать, что освобожденіе отъ жизни, рекомендуемое Буддою, есть совершенное уничтоженіе, прекращеніе бытія, какъ думаетъ графъ. Правда у него освобожденіе отъ жизни есть погруженіе въ Нирвану, переходъ въ ничто, но это ничто—понятіе относительное. Въ Нирванѣ упраздняется только тревожная воля человѣка, но мыслящій принципъ остается неприкосновеннымъ; чрезъ нее душа приходитъ лишь къ самой себѣ. Такъ понимаютъ ученіе Будды главнѣйшіе его изслѣдователи. И въ священныя книги Буддизма есть много мѣстъ, изъ которыхъ видно, что бытіе въ Нирванѣ не уничтожается, а перемѣняется только способъ существованія. — Тоже нужно сказать и относительно Шопенгауера. Изъ заключительныхъ словъ къ его книгѣ: «міръ какъ воля и представленіе», на которыхъ графъ основывается, какъ на доказательствѣ того, что переходъ въ ничто по Шопенгауеру есть единственное благо жизни, видно что это «ничто» есть лишь отрицательное обозначеніе нѣкоторой непознаваемой сферы бытія, которая по отношенію къ нашему міру есть полное его отрицаніе. Самъ Шопенгауеръ въ прибавленіяхъ къ своему сочиненію поясняетъ, что «оно вовсе не должно быть ничѣмъ со всякой возможной точки зрѣнія и во всякомъ смыслѣ; только мы должны ограничиться вполне отрицательнымъ его познаніемъ, которое удобно можетъ находиться въ границахъ нашей точки зрѣнія». Въ этой области, обозначаемой Шопенгауеромъ терминомъ «ничто», насъ ожидаетъ спокойствіе, ясность духа, міръ и блаженство вслѣдствіе полного упраздненія мятежной воли. Такъ образомъ по ученію Будды и Шопенгауера не жизнь *вообще* есть зло, а *та жизнь*, которой обыкновенно живутъ люди. Если люди тануть стремиться къ другой формѣ бытія, которая есть благо,

то и здѣшняя ихъ жизнь будетъ имѣть смыслъ, потому что она станетъ непрерывнымъ подвигомъ ради высшаго, лучшаго существованія. Потому-то какъ буддисты, такъ и Шопенгауеръ положительно воспрещаютъ самоубійство. «Правильно или нѣтъ разсуждаютъ Будда и Шопенгауеръ — это для насъ теперь не важно. Важно то, что на вопросъ жизни эти два мудреца очевидно даютъ не тотъ отвѣтъ, какой у нихъ находятъ графъ». Что касается Сократа, то его ученіе совершенно не даетъ никакого основанія утверждать, что жизнь есть зло и потому нужно желать уничтоженія ея. Слова, на которыхъ основывается графъ, взяты имъ изъ Платонова Федона, но они представлены въ ложномъ свѣтѣ, и взглядъ Сократа, извращенъ. По взгляду Сократа, выраженному въ Федонѣ, задача жизни есть приближеніе къ истинѣ. Для выполненія этой задачи нужно заботиться не объ уничтоженіи жизни, а объ очищеніи ея. Такъ какъ смерть есть переходъ къ жизни безтѣлесной, приближеніе къ истинѣ, то ея страшиться нечего; но самому налагать на себя руки—богопротивно. Для добраго нѣтъ зла ни въ тѣлесной жизни, ни въ тѣлесной смерти, потому что о немъ заботится Богъ. — Соломонъ, по мнѣнію графа, говоритъ, что «все суета и пустяки; человѣкъ умретъ и ничего не останется». Но не таковъ смыслъ книги Екклесіаста. Все въ мірѣ суета, потому что все превратно; но смыслъ жизни человѣческой не въ преходящихъ людскихъ дѣлахъ, а въ томъ, чтобы среди ихъ сохранить правоту свою, ибо «Богъ сотворилъ человѣка правымъ, а люди пустились въ большую затѣйливость». Истинное воззрѣніе Екклесіаста таково: «Бога бойся и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка. Въдъ всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, даже тайное, хорошо ли оно, или худо». (XII, 13—14). Воззрѣніе совершенно обратное тому, какое графъ выдаетъ за отвѣтъ Соломона на вопросъ жизни.

И такъ ни наука, ни великіе мудрецы не подтверждаютъ воззрѣній графа на жизнь; на ея вопросы тамъ даются совершенно не тѣ отвѣты, какіе находятъ графъ, слѣдовательно эти послѣдніе вовсе не отвѣты всего человѣческаго вѣдѣнія. Въмѣсто истинной науки мы видимъ у графа лишь невѣрное представленіе ея смысла и вмѣсто ученія мудрецовъ только затемнѣніе ихъ воззрѣній.

СРЕДИ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Просматривая наши епархіальные органы за мѣсяцы—апрѣль и май, мы находимъ въ нихъ довольно ограниченное число статей, представляющихъ общій теоретически—научный и практически церковный интересъ. Гораздо больше мы встрѣчаемъ здѣсь описаній, имѣющихъ значеніе и серьезный интересъ болѣе для жителей извѣстной мѣстности, извѣстной епархіи, чѣмъ для другихъ читателей. Таковы историко-археологическія описанія мѣстныхъ святынь: храмовъ, иконъ и проч., историко-этнологическія описанія отдѣльныхъ селъ и городовъ, жизнеописанія мѣстно чтимыхъ святыхъ людей и проч. Не мало встрѣчается здѣсь далѣе краткихъ замѣтокъ, касающихся частныхъ вопросовъ церковно-религіозной жизни и практики нашихъ православныхъ пастырей церкви, совершенія нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ. Какъ ни разнообразенъ подобный матеріалъ, сколь ни многихъ предметовъ касаются наши епархіальные органы, однакоже, достаточно ознакомившись съ ними, можно замѣтить и указать тѣ главные предметы, которые всего болѣе занимаютъ въ настоящее время нашу провинціальную, епархі-

ально-духовную печать. Такими предметами справедливо представляются нашему сельскому и городскому приходскому духовенству борьба съ расколомъ и сектантствомъ и религиозно-просвѣтительная дѣятельность его среди народа. Между статьями, посвященными этимъ двумъ предметамъ, мы укажемъ прежде всего на статью «Нижегородск. Епарх. Вѣдом.» (№ 10), представляющую изъ себя «нѣсколько практическихъ замѣчаній касательно древлеписменныхъ и старопечатныхъ книгъ, какъ пособій при веденіи бесѣды съ глаголемыми старообрядцами». Извѣстно, что наши, такъ называемые, старообрядцы въ защитѣ себя противъ сужденій о нихъ православныхъ не пренебрегаютъ прибѣгать и къ такимъ средствамъ, какъ порча, искаженіе и совершенное уничтоженіе въ старинныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ мѣсть, избличающихъ ихъ раскольническія заблужденія. Помимо другихъ извѣстныхъ способовъ порча церковныхъ книгъ довольно часто практикуется въ этомъ случаѣ наклеиваніе на новыя книги выходнаго листа, взятаго изъ книгъ дѣйствительно старинныхъ. Въ виду этого нужно замѣтить всѣмъ, имѣющимъ дѣло съ расколомъ, что выходной листъ книги, представляемой раскольниками, не всегда можетъ служить вѣрнымъ указателемъ мѣста и времени ея изданія. Не только цѣлые трактаты и листы въ старинныхъ книгахъ, но и отдѣльныя выраженія и даже буквы спорныхъ мѣсть требуютъ со стороны православныхъ самаго тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія; въ противномъ случаѣ ведущему бесѣду съ раскольниками можно легко впасть въ какую-нибудь ошибку въ ущербъ для торжества истины православной церкви.

Нѣкоторые епархіальные органы знакомятъ насъ съ жизнью и исторіею сектантовъ, цѣлыми массами проживающихъ чуть не въ каждой епархіи. Сюда нужно отнести начатую еще въ первыхъ мѣсяцахъ текущаго года статью «Донск. Епарх. Вѣдом.» — «Малорусская штунда». Обращаясь къ изображенію нравственно-практической и повседневно-обыденной жизни штундистовъ, авторъ старается показать фактическую невѣрность тѣхъ лестныхъ отзывовъ, какіе въ разное время дѣлала о штундистахъ либеральная часть нашей свѣтской печати. Выставляемая на видъ этою печатью разныя добродѣтели штундистовъ на самомъ дѣлѣ вовсе не составляютъ ихъ отличительныхъ, постоянныхъ нравственныхъ качествъ. Добродѣтели эти взяты были со словъ самихъ сектантовъ, которые въ разговорахъ съ посторонними, естественно, стараются выставлять своихъ собратій съ самой свѣтлой стороны. Впрочемъ, нельзя совсѣмъ отрицать нѣкотораго нравственнаго оживленія, замѣтнаго въ средѣ штундистовъ; но такое оживленіе свойственно всѣмъ прозелитамъ и случается при всякой перемѣнѣ религиозныхъ убѣжденій. Точно также прославленное общее матеріальное довольство штундистовъ въ дѣйствительности составляетъ удѣлъ далеко не всѣхъ и каждаго изъ нихъ. На ряду съ матеріальнымъ достаткомъ и излишествомъ однихъ нерѣдко встрѣчается и крайняя матеріальная необезпеченность, нищета другихъ.—Въ «Таврич. Епарх. Вѣдом.» (№ 8) авторъ статьи «Хлыстовщина» на этотъ разъ даетъ намъ довольно полное описаніе богослужебныхъ дѣйствій и обрядовъ хлыстовъ. Надобно сознаться, что вопросъ, поднимаемый авторомъ указанной статьи, сотрудникомъ таврическаго епархіальнаго органа,—вопросъ далеко не новый. Разработкѣ и разъясненію его въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ была посвящена уже не одна статья въ нашей періодической литературѣ — свѣтской и духовной. Но экцентричность религиозныхъ обрядовъ хлыстовъ

до сихъ поръ дѣлаетъ довольно интереснымъ описаніе богослуженія этихъ сектантовъ. Съ другой стороны, широкая свобода дѣйствій, предоставленная хлыстовщиной своимъ послѣдователямъ въ богослуженіи, даетъ возможность сектантамъ время отъ времени въ свою вышше-религиозную жизнь внести нѣчто новое, видоизмѣнять и разнообразить свое богослуженіе. Первоначально богослуженіе хлыстовъ было лишь простымъ выраженіемъ догматическихъ и нравственныхъ воззрѣній секты и стояло въ прямомъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ этихъ воззрѣній. Впослѣдствіи изъ него развился цѣлый религиозный культъ, раскрылись разнообразныя формы и виды хлыстовскаго богослуженія. Перемѣны, происшедшія какъ въ отдѣльныхъ частяхъ, такъ и въ цѣломъ составѣ богослуженія, сообщили большую полноту и торжественность первоначальнымъ службамъ хлыстовъ. Къ числу новыхъ видовъ хлыстовскаго богослуженія относятся, такъ называемыя, раднія. Авторъ довольно подробно передаетъ намъ сущность, обстановку и всю процедуру этихъ странныхъ религиозныхъ упражненій хлыстовъ.

Переходя къ обзорѣ статей, посвященныхъ школьно-педагогическимъ вопросамъ, укажемъ прежде всего на статью «Донск. Епарх. Вѣдом.» — «О преподаваніи закона Божія въ народныхъ училищахъ». Авторъ вкраткѣ излагаетъ планъ занятій по св. исторіи, представляющей ему наиболѣе соотвѣтствующимъ дѣлу. Форма изложенія рассказовъ св. исторіи, по мнѣнію неизвѣстнаго автора, должна какъ можно ближе подходить къ языку библейскому, а иногда совпадать съ нимъ до буквальной точности. Съ другой стороны, изложеніе должно быть возможно полнымъ, должно обнимать священно-историческія событія со всѣми ихъ важнѣйшими подробностями, а не должно представлять изъ себя лишь краткій конспектъ событій. Авторъ считаетъ дѣломъ совсѣмъ не практичнымъ, когда, при первоначальномъ преподаваніи свящ. исторіи, выбираютъ и передаютъ дѣтямъ только такія событія, которыя поражаютъ ихъ не своимъ нравственнымъ характеромъ, но заинтересовываютъ ихъ своею чудесностію. Теперь, можно сказать, всѣми признано, что преподаваніе закона Божія въ школахъ должно дѣйствовать болѣе на сердце дѣтей, чѣмъ на умъ, должно не столько обогащать ихъ теоретическія познанія, сколько развивать въ нихъ нравственное чувство, стремленіе осуществлять въ собственной жизни правила, сообщаемыя въ Законѣ Божіемъ. Въ силу этого нѣкоторые придаютъ самое малое значеніе методу и приемамъ преподаванія Закона Божія въ народныхъ училищахъ, степени знакомства законоучителя съ дидактическими правилами современной педагогической науки, а всю задачу и залогъ успѣха видятъ въ нравственныхъ качествахъ законоучителя, въ сознаніи имъ высоты и святости долга. Если, говорить напр. авторъ статьи «къ вопросу и преподаванію закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ» (Рязанск. Епарх. Вѣдом. № 7), законоучитель полюбитъ свое дѣло, полюбитъ дѣтей и проникнется искреннимъ благожеланіемъ къ нимъ; то съ полною увѣренностію можно будетъ ручаться за успѣхъ его дѣла. При любви явится опытность и умѣніе вести дѣло, «такъ какъ извѣстно, что любящее сердце матери всегда сумѣетъ передать своимъ дѣтямъ такъ, что они каждое слово ея глубоко принимаютъ въ свое сердце». Авторъ особенно настаиваетъ на воспитательной дѣятельности законоучителя въ народной школѣ. Законоучитель обязанъ, по его словамъ, «слѣдить за каждымъ дѣйствіемъ ученика, сдерживать всякіе порывы и проявленія грубости, однимъ словомъ упорядочивать и облаго-

роживать его, смягчать и дѣлать пѣжнымъ». Нѣтъ сомнѣнія, что все это нужно имѣть въ виду законоучителю особенно церковно-приходской школы, какъ лицу, на ответственности котораго главнымъ образомъ лежатъ успѣхи обученія и результаты воспитанія дѣтей въ этой школѣ; но всѣмъ этимъ, по нашему мнѣнію, не долженъ пренебрегать и простой учитель народной школы, который проводитъ съ дѣтьми столько же, если не больше, времени. По вопросу о постановкѣ преподаванія Закона Божія въ церковной школѣ, тотъ же авторъ высказываетъ довольно оригинальныя сужденія. На его взглядъ лучшая постановка этого дѣла та, которая ближе всего подходитъ къ евангельскому методу изложенія христіанскаго ученія. Примѣръ Спасителя, учившаго народъ на всякомъ мѣстѣ и по всякому частному поводу, долженъ служить для законоучителя идеаломъ въ его школьно-преподавательской практикѣ. Но здѣсь не будетъ не неумѣстно высказать опасеніе чтобы то, что въ рукахъ Божественнаго учителя оказалось столь удобнымъ и плодотворнымъ, въ практикѣ обыкновеннаго человѣка не породило нѣкоторой спутанности и сбивчивости. Для обычнаго пастырскаго назиданія евангельскій методъ какъ нельзя болѣе идетъ, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ столь же удобоприложимъ и къ преподавательской дѣятельности пастыря. Намъ кажется, что систематичность и планомерность въ распределеніи учебнаго матеріала и здѣсь должна отчасти имѣть свою силу, свое значеніе и приложеніе. Только не нужно доводить эту систематичность до излишества, до педантичной точности. Нельзя не согласиться однакоже съ тѣми правдивыми замѣчаніями, которыя дѣлаетъ авторъ о важности примѣра преподавателя закона Божія въ народной школѣ. Выше всякаго сомнѣнія стоитъ то, что хорошій примѣръ законоучителя составляетъ одно изъ важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ средствъ для религіознаго образованія дѣтей въ школѣ и чрезъ школу. Плохое дѣло, замѣчаетъ одинъ изъ современныхъ иностранныхъ педагоговъ, говорить о вѣрѣ безъ вѣры и доказывать безсмертіе души, не вѣря въ безсмертіе; но еще хуже, когда жестокосердный говоритъ о милосердіи, гордый о смиреніи, самолюбецъ о любви.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

СЪ ПЕРЕРВЫ.

23 августа Перерва осчастливлена была посѣщеніемъ Высокопреосвященнаго Іоаннікія Митрополита Московскаго. На другой день Владыка совершалъ Божественную Литургію въ обновленномъ соборномъ храмѣ Николо-Перервинскаго монастыря. Яркій золотистый лучъ дневнаго свѣтила, блестящій на св. иконахъ, величіе Богослуженія и мелодическое пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ оставили на присутствовавшихъ неизгладимое впечатлѣніе. По окончаніи литургіи Владыкѣ представлялись корпорація мѣстнаго Духовнаго училища и братія монастыря. Вечеромъ Владыка вмѣстѣ съ прибывшимъ викаріемъ Епископомъ Дмитровскимъ Мисайломъ осматривали училищныя зданія и монастырскую гостиницу въ видахъ преобразования и улучшенія училищныхъ помѣщеній. Къ полудню въ понедѣльникъ Владыка-Митрополитъ отпраздновалъ въ Николо-угрѣшской монастырѣ, а оттуда прослѣдуетъ въ пустынь св. Екатерины.

Николай Виноградовъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОТОІЕРЕѢ П. Е. СОКОЛОВѢ.

Покойный протоіерей церкви Большаго Вознесенія, на Никитской улицѣ, Петръ Евпловичъ Соколовъ (сконч. 15 августа 1885 г.), былъ извѣстенъ всей московской бѣднотѣ, какъ человѣкъ, не отказывавшій въ помощи. Еженедѣльно по субботамъ и наканунѣ великихъ праздниковъ, у дверей скромнаго домика о. Соколова толпились поэтому массы подозрительнаго, оборваннаго люда, своимъ крайне непрезентабельнымъ видомъ возбуждавшаго не малое безпокойство въ мѣстныхъ блюстителяхъ порядка — полицейскихъ. Лишь только показывался, бывало, покойный П. Е. на порогъ храма, громадная свита нищихъ присоединялась къ нему и неотступно провожала своего благодѣтеля до его жилища. Гвалтъ на дворѣ о. протоіерея стоялъ невообразимый. Нищія по очереди впускались въ домъ и здѣсь исповѣдывали П. Евпловичу свои нужды. При этомъ происходили подчасъ комичныя сцены. Въ видахъ полученія болѣе подачки, нѣкоторые оборванцы запасались ложными свидѣтельствами о своей бѣдности, при чемъ нѣсколько не стѣснялись обмѣниваться свидѣтельствами этими другъ съ другомъ. Но этотъ фокусъ, къ крайнему сожалѣнію самихъ фокусниковъ, не всегда вѣнчался желанными для нихъ результатами. Случалось, что о. протоіерею приходила мысль убѣдиться въ вѣрности того или другаго свидѣтельства.

«Какъ тебя зовутъ?» — спрашивалъ, бывало, покойный какою-нибудь заваленную, красноносую бабенку, совсѣмъ не приготовившуюся къ этому вопросу.

— Василисой, мой милый батюшка, — нараспѣвъ, самымъ плачевнымъ голосомъ, отвѣчала баба: дай тебѣ Господи всякаго благополучія, родителямъ твоимъ царство небесное... и поидетъ, и поидетъ причитывать.

«Сколько же тебѣ лѣтъ?» прерываетъ ее причитыванія протоіерей.

— Да ужъ 52-й пошелъ, милостивецъ. Не долго и пожить-то осталось на бѣломъ свѣтѣ, — скоро придется идти и на страшное судилище Господне, — набожно, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, вздыхаетъ просительница и возводитъ мутные, слезящіеся глаза къ потолку.

«А сколько дѣтей у тебя?» — продолжаетъ свои вопросы Петръ Евпловичъ.

— Семеро, батюшка, семеро, — горькія сиротинки: меньшія-то дѣтки убогонкія, а старшія-то глупенькія. Одна только надежда и есть, что на милосердыхъ благодѣтелей...

«Какъ же это у тебя въ свидѣтельствѣ помѣчено не такъ, какъ ты говоришь? — Свидѣтельство дано Марѣ, а ты называешь себя Василисой; да и лѣтъ-то тутъ помѣчено только 45; да и дѣтей-то не столько, сколько ты сказала» ..

Присутствовавшая обыкновенно при этихъ собесѣдованіяхъ старая-престарая, около 20 лѣтъ прожившая у протоіерея, кухарка Анна не всегда одобрительно поглядывавшая на нищихъ, выясняла П. Евпловичу такую странность: «Это жульница, батюшка жульница—а».

«Жульница» не оставляла послѣдняго слова за собою и стремительно удалялась, не пожелавъ даже захватить съ собою сыгравшее съ нею такую неловкую шутку свидѣтельство.

Подобные случаи не охлаждали милосердія о. Соколова, и нищія до самой смерти его всегда пользовались невозбранномъ входомъ въ его домъ. — Оригинальны были приемы, къ которымъ прибѣгали иногда нѣкоторые «интеллигентные» пролета-

ри во дни одержавшей ихъ пустоты карманной обращавшіеся съ своими «петиціями» къ доброму дателью. Въ одинъ изъ приходскихъ праздниковъ, 9 мая 1845 года, П. Е. поучалъ свою паству милосердію и любви къ ближнему. Покойный былъ талантливый составитель проповѣдей. Произносилъ онъ послѣдній ясно, весьма выразительно и, какъ говорится, *съ душою*, такъ что производилъ на слушателей глубокое впечатлѣніе. Вечеромъ означеннаго дня проповѣдникъ получаетъ слѣдующее письмо:

Ваше высокоблагословеніе!

Сего числа, въ день пренесенія св. мощей святителя и чудотворца Николая, во храмъ Божию изъ устъ Вашихъ слышано мною поученіе, въ коемъ напутствовали Вы всѣхъ насъ, христіанъ, для любви къ ближнему, и заключили оное тѣмъ, что вся наша жизнь есть обязанность жертвовать и помогать другимъ. Слыша такой лестный въ бѣдности моей призывъ осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ и просить помощи: удѣлите ради праздника отъ избытковъ Вашихъ. Азъ есмь нищъ: ибо безъ должности,—и не имѣю никакого состоянія для содержанія семейства. Обращаюсь къ Вашему Высокоблагословенію потому болѣе, что, надѣюсь, по словамъ Іакова Апостола: «бывайте творцы слова» (гл. I, ст. 22)—Вы помочь мнѣ не откажетесь.

Съ истиннымъ почтеніемъ *имѣю честь ожидать* Вашъ почтенный слуга титулярный совѣтникъ такой-то.

«Сѣмя пало на добрую землю и принесло плодъ»—съ добродушною улыбкою замѣтилъ П. Евловичъ. Находившій титулярный совѣтникъ, въ награду за обнаруженную имъ внимательность къ проповѣдническому слову, немедленно получилъ щедрое вспоможеніе.

Петръ С—к—въ

БЛАГОЧИННЫЙ СЯЩЕННИКЪ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧЪ БОГОЛЪПОВЪ.

(Некрологъ).

Въ девятomъ часу утра 25-го іюля сего 1886 года, послѣ продолжительной болѣзни, на 63 году отъ рожденія скончался Распятской, города Серпухова, церкви священникъ и благочинный Андрей Михайловичъ Боголѣповъ. Почившій изъ духовнаго званія, родился въ 1823 году, Московской губерніи, сынъ священника, Коломенскаго уѣзда, села Кольчева. Образование получилъ въ Московской Духовной Семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1846 году. По окончаніи курса поступилъ къ Михайло-Архангельской, села Нехорошаго, церкви, Серпуховскаго уѣзда, во священника въ 1848 году ноября 23 дня. 1859 года получилъ бронзовый наперстный крестъ за 1853—1856 годы и опредѣленъ деюдатомъ Лопасинскаго благочинія; марта 14-го 1861 года опредѣленъ въ должность благочиннаго и утверждень въ оной должности 1865 года.

Въ Лисинскомъ сельскомъ училищѣ, открытомъ по его старанію былъ законоучителемъ и попечителемъ; какъ полезно трудился почившій на семь поприщѣ, видно изъ того, что онъ получилъ за сія труды въ 1866 году два благословенія Святѣйшаго Синода. Былъ избранъ отъ духовенства гласнымъ въ Серпуховскую Земскую Управу и состоялъ отъ 1866 по 1874 годъ. За усердное служеніе въ санѣ священства былъ награжденъ набедренникомъ и всемѣлостивѣйше пожалованъ фіолетовою бархатною скуфьею. За прослуженіе съ особеннымъ усердіемъ двѣнадцать лѣтъ къ ряду въ должности благочиннаго 1874 года, мая 13-го сопричисленъ къ ордену св. Анны 3-й степени.

1873 года ноября 23-го дня духовенство его благочинія, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства праздновало двадцати пяти лѣтній юбилей и преподнесло икону Архистратига Михаила, св. Андрея Первозваннаго и святителя Митрофанія на кипарисной доскѣ, въ серебряно-вызолоченной ризѣ. За усердное служеніе, по его прошенію въ 1875 году переведень къ Распятской, города Серпухова, церкви, съ оставленіемъ въ благочинныхъ надъ прежними церквами. 1877 г. награжденъ камилавкою. За честное служеніе во священствѣ и полезныя труды по прохожденію должности благочиннаго награжденъ наперстнымъ крестомъ 1884 года іюля 23 дня.

Отецъ Андрей какъ человекъ вообще былъ добраго сердца; домъ его былъ открытъ для всѣхъ кто имѣлъ въ немъ нужду. Какъ благочинный былъ онъ снисходительный и правдивый, всякому могъ дать добрый и полезный совѣтъ и, если кто обращался къ нему съ какими-либо жалобами, онъ старался примирять враждующихъ.

Нужно было совершиться чему либо уже черезъ чуръ неспасному, что бы онъ потерялъ расположеніе къ кому либо; онъ былъ вѣрнымъ исполнителемъ своего служебнаго долга, и искреннимъ другомъ для сослужащихъ ему, и несказанно добрымъ даже и для подчиненныхъ ему низшихъ членовъ клира.

Что же касается его отношенія къ своей паствѣ, то, это были отношенія отца къ дѣтямъ; для своихъ прихожанъ онъ былъ другъ, совѣтникъ и руководитель во всѣхъ дѣлахъ, какъ общественныхъ, такъ и семейныхъ; ходатай, защитникъ и помощникъ; всякій къ нему обращался за совѣтомъ и за рѣшеніемъ разныхъ недоумѣній и никто не отходилъ отъ него безъ полезнаго совѣта. Сердечно относился покойный къ устройству Епархіальнаго свѣчнаго завода, ибо видѣлъ, что отъ этого въ послѣдствіи будутъ средства для благоустройства храмовъ въ бѣдныхъ приходдахъ; онъ устроилъ въ городѣ Серпуховѣ свѣчную лавку.

Въ благочинническое его служеніе всѣ храмы его вѣдомства были обновлены и благоукрашены. Въ селѣ Нехорошевѣ, гдѣ онъ началъ свое священническое служеніе его стараніями былъ вновь устроенъ трапезный храмъ, а въ селѣ Стромилловѣ, въ пріѣздъ его, въ день храмоваго праздника, 6-го декабря 1865 года было собраніе прихожанъ, которыхъ онъ убѣдилъ приступить къ построенію вновь каменнаго трехъ-престольнаго храма, вмѣсто ветхаго деревяннаго, и вотъ теперь въ этомъ селѣ красуется новый трехъ-престольный великолѣпный храмъ, въ которомъ онъ принималъ участіе въ освященіи двухъ предѣловъ. Но до освященія настоящаго храма, которое предполагается въ семь году не судить Господь дожить почившему. Другой храмъ тоже новый трехъ-престольный въ селѣ Ивановскомъ, близъ Лопасни; эти два храма суть памятники любви и заботы покойнаго къ благоукрашенію храмовъ Божіихъ. Въ послѣдніе три года къ много-трудной пастырской и благочиннической обязанности присоединилась еще забота и о семейной жизни, ибо о. Андрей за три года до своей кончины лишился подруги своей жизни, бывшей дѣйствительно помощницею его во всемъ.

Нельзя было подуматъ, что такъ скоро о. Андрей оставитъ міръ сей. Онъ былъ все еще крѣпокъ силенъ и духомъ и не оставлялъ своей обычной дѣятельности даже и въ болѣзни, которую онъ получилъ, обзрѣвая по осени 1885 г. церкви своего благочинія. Тутъ онъ простудился и почувствовалъ въ груди боль, но неимѣя привычки обращаться ко врачамъ онъ не хотѣлъ лѣчиться, думая что и такъ пройдетъ, но новая простуда свела его въ могилу. Похороны старосты и тяжелая великопостная служба уснули болѣзнь, съ 11-го

іюля покойный уже не могъ выходить въ церковь, а 25-го и совсѣмъ почилъ на вѣки.

Покойный исполнительный во всемъ, благоговѣйный въ служеніи, попечительный о паствѣ и храмъ былъ достоинъ любви, и снискалъ себѣ всеобщую любовь всего города и духовенства своего благочинія.

27-го іюля въ день погребенія ранняя литургія отслужена была соборне; послѣ ранней литургіи домъ, гдѣ лежалъ покойный, наполнился до тѣсноты народомъ, желавшимъ отдать послѣдній долгъ почившему. Въ половинѣ девятого часа протоіерей Мурноскоіи церкви о. Теодоръ Комаровъ—духовникъ покойнаго, въ сослуженіи родственниковъ священниковъ началъ панихиду, а къ концу ея прибылъ Высотскаго монастыря о. архимандритъ Инноцентій и собрались всѣ священно-церковно-служители города Серпухова и его благочинія и послѣдовалъ выносъ тѣла усопшаго изъ дома въ церковь съ крестнымъ ходомъ при звонѣ колоколовъ и при стеченіи многочисленнаго народа занявшаго почти весь монастырь. Позднюю литургію совершалъ о. архимандритъ въ сослуженіи трехъ протоіереевъ и трехъ священниковъ. Во время причастнаго стиха было сказано его благочинія села Стромилова священникомъ Петромъ Херсонскимъ надгробное слово, въ которомъ охарактеризована была вся жизнь покойнаго, какъ пастыря, руководителя, начальника и попечительнаго отца семейства. При этомъ весьма многіе изъ присутствующихъ въ храмъ не могли удержаться отъ слезъ. Предъ отпѣваніемъ была сказана рѣчь родственникомъ покойнаго кончившимъ курсъ въ Московской Духовной Семинаріи Иваномъ Доброхотовымъ, а послѣ отпѣванія священникомъ г. Серпухова кладбищенской церкви Н. Ф. Орловымъ. На отпѣваніи присутствовало все духовенство гор. Серпухова и нѣсколько священниковъ изъ уѣзда; всего до 30 человекъ. Стеченіе народа было до того велико, что просторный Распятскій храмъ, едва вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ желавшихъ отдать послѣдній долгъ почившему.

Отпѣваніе кончилось во 2 часу дня. Тѣло покойнаго съ крестнымъ ходомъ, не смотря на дождь, всѣмъ принимавшимъ участіе въ отпѣваніи духовенствомъ было на рукахъ несено до могилы во Владычній дѣвичій монастырь, гдѣ погребены жена и дочь покойнаго. Такъ совершилось печальное торжество погребенія.

Миръ праху твоему добрый и благодѣйный начальникъ и честный іерей Андрей!

Села Стромилова, Николаевской церкви

Священникъ Петръ Херсонскій.

ОТЪ СОВѢТА МОСКОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ФИЛАРЕТОВСКАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА.

Совѣтъ училища извѣщаетъ родителей и родственниковъ воспитанницъ училища, что по случаю передѣлокъ въ училищѣ ученіе начнется съ 20 Сентября, къ ваковому времени онѣ и имѣютъ явиться въ училище.

О П Е Ч А Т К И.

Въ напечатанную въ № 34 «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей» рѣчь къ старообрядцамъ вкрались двѣ ошибки, нарушающія смыслъ. Именно: на стр. 513 во второмъ столбцѣ на строкѣ 9 сверху напечатано: *ими* бо исповѣданія ради и т. д. А нужно напечатать: *ими* бо и т. д.

На той-же стран. въ томъ-же столбцѣ на строкѣ 13 сверху напечатано: «потихся помыслы примати» и т. д.; а нужно напечатать: «Кающихся помыслы примати» и т. д.

Полный Учебникъ по Закону Божию:

Объясненіе молитвъ, рассказы изъ исторіи ветхаго и новаго завета, десяти заповѣдей, всенощнаго бдѣнія, литургіи и святыхъ таинствъ православной церкви

Составленъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, по программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, для начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ, съ приложеніемъ самой программы.

Составилъ діаконъ московской Ризположенской, близъ Донскаго монастыря, церкви *Іоаннъ Соловьевъ.*

Второе изданіе дополнено. Москва, 1883 г. Цѣна 25 к.

Продается въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Ферапонтова и Земскаго на Никольской улицѣ, у Салаева, на Мясницкой улицѣ, и у автора, на Донской улицѣ, въ домѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ діакона *І. Соловьева.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ

ПРОПОВѢДНИЧЕСКАГО ЛИСТКА

въ 1887 году.

Согласно желанію подписчиковъ, не разъ заявленному въ письмахъ, «Проповѣдничскій Листокъ» будетъ съ слѣдующаго (1887) года расширенъ. Въмѣсто одного поученія будетъ помѣщаться два поученія на каждый воскресный и праздничный день. Одно поученіе, по возможности, будетъ имѣть содержаніемъ своимъ евангельское чтеніе, а другое будетъ примѣнено къ различнымъ обстоятельствамъ жизни человека-христіанина въ теченіи года (напр. во времени года, къ постаніямъ, къ приближающимся великимъ праздникамъ и къ попразднествамъ, къ преобладающимъ въ извѣстное время порокамъ, къ какимъ либо счастливымъ или несчастливымъ случаямъ въ общественной жизни и т. п.). Кромѣ того, будетъ больше помѣщаться (въ приложеніи) поученій на разные случаи; на погребеніе будетъ помѣщено въ теченіи года не менѣе десяти поученій. Соответственно тому увеличена и подписная цѣна на «Проп. Листокъ»: вмѣсто 1 р. 20 к. назначено 2 р. сер. съ перес.

Въ остальномъ программа прежняя.

За прежніе пять лѣтъ (82, 83, 84, 85 и 86) можно получить поученія по одному рублю за годъ съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться исключительно на имя редактора—издателя, профессора Кіевской духовной Академіи *М. А. Оленичнаго.*

Въ магазинѣ С. Усковъ и К°.

на Никольской въ Москвѣ.

Полученъ для монашествующихъ **КИТАЙСКІЙ КРЕПЪ.**

Ширина 15 вершковъ, цѣна 4 р. аршинъ.

При семъ прилагается № 26 Официальнаго отдѣла.

Редакторъ протоіерей
В. Рождественскій.

Типографія Л. Ф. Снегирева.
На Остоженкѣ, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

Цензоръ
Архимандритъ Амфилохій.